

19 декабря 1987 года

ТАМБОВСКАЯ ПРАВДА

КОНЕЧНО, я знал, что Мария Николаевна приглашена петь в концерте, посвященном 70-летию Октября. И все-таки «скнуло сердечко», когда необъятный зал Дворца съездов прорезали ча-стушки — одна, другая, третья... Звонкий молодой го-лос Мордасовой летел к людям доверчиво и светло, и даже те, кому неведом русский язык, заулыбались в ответ. Вот уж действительно, как в тамбовских се-дах говорят, «ошибил душу»!

Глядя на экран телезис-ора, невольно вспомнил ида-внее потрясение, когда впервые услышал из уст признанной частушечницы старые песни. Неожиданно тихие песни страдающе-го и сострадающего сердца. Только талант необыкновенный мог вот так раство-риться в мелодии и словах, спрятать свой собственный образ ради образа, создан-ного народом. Щедра, без-оглядно щедра Тамбовщи-на, создавая своих певцов...

А познакомились — по телефону. Казалось бы, Во-ронек, где живет наша зна-менитая землячка, недалеко — во всяком случае, для журналиста это не рассто-яние. Но сначала, да чуть не полтора года, пришлось по телефону. Не до встречи было Мордасовой. Близкие ей люди болели, уходили... Говорили о них, бывало, по-часу и больше, и всякий раз я дивился: сколько же любви и боли может вме-щать обыкновенное челове-ческое сердце!

Но жизнь как-то вошла в колею, и голос Марии Нико-лаевны, от природы наделенный сотнями тончайших оттенков, зазвучал веселее. А там мы и встретились с народной артисткой, уро-женкой деревни Нижняя Мазовка Лысогорского рай-она Тамбовской области. Постараюсь сохранить в не-прикосновенности все, что сказала певица.

— Тамбов люблю неиз-менной любовью. Деревни люблю, народ — необыкно-венно какой-то мягкий, кра-сивый. С простыми людьми, с деревенскими люблю раз-говаривать. Ведь на ас-фальте много не найдешь песен. А вот наши цветастые луга тамбовские... Ма-линовский луг был — это же красота невозможная! Так скачаю по родине малой, откуда корни пошли. Подру-га у меня там прекрасные были, да и есть еще. А не-лось-то как с ними...

Петь любила — и в Ма-зовке, и в Черняном. Люби-ли и умели. Но еще поче-почталься там вековечный крестьянский труд, необхо-димность которого понимал даже маленький человек. И раньше, чем певческий дар, проявились у Морда-совой склонности к труду — тоже своего рода талант.

— Ведь я была дояркой. Руки-то мои, на руки по-смотрите. Я писала в «Огоньке»: как паспорт — их невольно показать. Когда у меня в Москве поцеловать руку просят — так я пры-чу. А они: нет, говорят, мы такие больше ценим... Я была в Тихом Уголке, до-яркой работала. Любил! Думала, выше и больше чи-на нет. На слеты посылали в Горелое, лучших вроде посылали. А одно время мы поехали снопы возить, и там была жирная такая рожа. А я была хрупкая, тоненькая... Ну, и надорва-лась этими тяжелыми сно-пами, попала в больницу. Потом звеньевой еще ра-ботала. Нужно было встать в четыре часа, разбудить всех, палкой побить о крыльцо или в окно посту-чать: «Вставайте!»

Свой первый концерт Маша Яркина дала, навер-ное, лет в пять — прямо на деревенской улице. И воз-росла с песней. С песней, которая у народа редко зву-чала в нынешнем эстрад-ном, пейзажном, раскра-шенном варианте.

— Сейчас считают, поси-делки — посидеть, песни попеть. Не-ет. Мы работали тогда на посиделках. Прали, вязали. Если я чулок не свяжу за вечер, мне мама подзатыльник даст хороший, потом не пустит на посидел-ки... А ребята приходили, балагурили, играли в бала-лайки, да тоже — нарабо-тавшись, а не с лежанки те-плой. Скоромность какая бы-ла... Быстро нас спешили замуж выдать, а мы так не хотели, девичьей вольной пожить бы побольше...

Вспоминая, то улыбнется Мария Николаевна, то за-кручинится. И сама жизнь преподнесла ей неизгладимые события. И книги — а отец рано приучил читать — оставили след в душе. На-стоящие стихи и песни, счита-ет артистка, рожденные не фантазией авторов, а горем и радостью реальных су-деб.

— Как-то раз уже из Во-ронеза приехала на побыв-ку, взяла книжечку и маме

говорию: сядь, я тебе прочи-таю. И читаю:

Без ума, без разума
Меня замуж выдали,
Молодой век девичий
Силой укоротили...

Ну, и так дальше, что она век свой там горевала, плакала, сокрушалась, мучилась... Я смотрю, у мамы по лицу огромные слезы. «А ты что, не знаешь мою судьбу, что ли? Меня же насильно отдали, я же не шла за Николая». Я гово-рю: чем тебе папаня не нравится, он нам стихи ка-кие рассказывает хорошие? «Нет, у меня был Яныкин Ванюшка любимый жених, а отец вот не посчитался, от-дал меня за Николая». Ни-когда не забуду, как эти вот хрустальные слезы поли-лись... И после этого еще больше полюбила Кольцова, Никитина, писателей рус-ских. Видите, библиотеку собрала...

И вдруг, кажется, без всякой связи:

— Да разве можно мне забыть Тамбовщину...

А связь-то, конечно, есть. Все, что заложено в свет-лом разуме, знаниях и ха-рактере Мордасовой, сфор-мировала наша земля. По-

шку. На любой деревенской улице к женщинам подой-дешь: «Ой, да ты хорошая наша... Садись-ка, ветер-то хоть холодный, а скамеечка тепленькая, посиди с на-ми»... И вот разговоры, пе-сни. Сколько мы проехали деревень... Тут уж я начала творчески работать, выпу-скать свои сборники. Вот будет восьмой, на сто пе-сен. Еще готовлю в «Совет-ской России» книжку — на сорок. Дорого, что вся стра-на помогает — вот она, по-мощь-то великая...

И Мордасова показывает столы, кисты, мешки писем. Наугад берем несколько. В них слова благодарности на-родной артистке и — песни, песни, песни. Отрывочки, фрагменты, варианты. Кра-сивые и корявые почерки. Не о своей славе заботятся авторы, а о том, чтобы сох-ранилось святое. И отдают лучшее, что довелось услы-шать, в надежные руки.

— Ни одно письмо не за-буду, не упрячу с глаз. Ра-бота, конечно, очень трудо-емкая, надо выбрать самое сокровенное, привести в по-рядок частушки, страдания, песни. Успею или нет — лет мне порочно. Торо-

и самостоятельности помо-гать. Я как письмо получи-ла, что в Столовом, ряды-шком с моей малой роди-ной, появился ансамбль «Столовчанка» — радо в а-лась необыкновенно. Теперь пишем друг другу, как род-ные. Я им и частушки, и песни, и приветное слово...

Дом, в котором живет наша землячка, знаменит на весь Воронеж. Лет емучуть не двести, стены — как в крепости. Чтобы разглядеть потолок, надо хорошенько задрать голову. Поднимаясь по лестнице на свой этаж, Мария Николаевна обяза-тельно пару раз передох-нет — годы не маленькие. Слов нет, квартира добрая. Только вот нет там злата-серебра, нет дорогого без-вкусного барахла, которым, по обывательскому мнению, должны быть набиты хоро-мы народных артистов. Ви-сят, правда, костюмы не-обыкновенной красоты, и цены им действительно нет, но сшиты и расшиты они руками самой хозяйки. Есть фотографии людей, близких сердцу, подарки из разных городов страны. Есть кол-лекция певучих гармошек, которую собрал за многие

чем — среди недели? И жа-лко вот наш сквер. Он же лысый стал. Стоптали все цветы и розы, траву... Ну, жно другое место найти. Мы даже в селе уходили за око-лицу, чтобы не испортить природу, не помять. Может, это не плюс, что мы осо-бого отдыха не ведали, за-то война грянула — сутка-ми работали, и хоть бы что. Шинели шили, бушлаты. Потом еще шли в госпита-ли. А там к раненому по-дойдешь, причешишь, пись-мо напишешь домой. Улы-баются он, а у нас слезы... Конечно, нашему поколению свое выпало, и не дай им бог. Но и «потехе» — час не зря придумано.

Рассказываю певице про летний тамбовский праздник русской гармонии, когда в Парке культуры и отдыха собрались 320 гармонистов, и динамики разносили над городом то «Матаню», то «Канарейку».

— Это же какая мело-дия, Мурашки... Сохранили гармонию. Вот радости! При-вет им от меня сердечный! Только скажите, что под гармонию ведь пели и песни некоторые, не только что одни прибаки. Не так бед-на наша Тамбовщина, не од-на «Матаня»... — И вдруг напевает:

Ох, долне-раздолне,
Играй, моя гармония,
Играй, моя красномехая,
До Берлина ты доехала!
Гармонь ведь прошла фронт. А как воспеет Твар-довский ел! Значит, берегли гармони, берегли. Это ка-кой поклон им, какое спаси-бо! Песня всегда дружила народ. Вот сейчас домов-то понастроили больших, и за-крылись в них. А раньше дружнее жили. Куском хле-ба даже делились, у кого не хватает, хоть и голод был, и детей много. А все равно народ — утром встанешь, глядь, у дома кто-то поло-жил картошечки, или отру-би, или жмых. Друг друга выручали, у кого есть. Рожь там или просо... А соберу-ся вместе — не кости пере-мывать, а песни запоют ста-ринные. А у нас на Кре-стах — прибаки, чуть не до утра. Все равно выпси-шись, и идешь опять на ра-боту.

С малых лет начала Ма-рия Николаевна работать. Порой это был тяжелый, из последних сил, труд. Зато теперь всякое дело ладится, всякое в охотку — хоть со-здание нового сборника пе-сен, хоть искусное шитье, она и повариха отличная — могу подтвердить хоть под присягой. Обед у нее был простой и вкусный, причем из самых обыкновенных продуктов. Она принципи-ально не ела ничего, кроме хлеба, специализированной пе-щи, никогда ими не пользовалась, хотя высшее артистическое звание стра-ны открыло бы для нее лю-бые двери.

Столь же немисливо за-ставить нашу землячку ис-полнить на эстраде или за-писать на пленку песню, ко-торая не заденет ее серд-ца. Кто пробовал — давно отказался. Но одна за дру-гой выходят ее пластинки с маленькими шедеврами рус-ского фольклора. Это мело-дии и стихи, услышанные в деревнях, присланные доб-рыми людьми в письмах.

После опубликования Указа о присвоении Морда-совой звания Героя Соци-алистического Труда ее поч-та выросла в несколько раз. А отвечать пока нет вре-мени — певицу тут же вызы-вали в Москву, на Цент-ральное телевидение. По-том — киносьемки. По-том — запись на фирме «Мелодия». Потом — кон-церт во Дворце съездов... Легко ли выдерживать такой темп, когда тебе за семье-сят? «Ничего, — смеется Ма-рия Николаевна, — заалка у меня тамбовская»... Конечно, прибавило ей сил и высокое государственное признание. Но за это народная артистка Советского Союза, Герой Социалистического Труда Мария Мордасова благода-рит не себя, а нашу труд-ную и песенную землю.

— Ой, как я виновата пе-ред своей родиной... Все вот некогда приехать. А всегда душа болит по родной сто-ронушке, по Тамбовщине. И где я ни была, мне кажет-ся — народ везде хороший. Все это — моя радость, мой цветастый букет малинов-ский... Приеду, обязательно приеду домой!

...Когда заканчивал гото-вить этот материал, позво-нил в Воронеж. Опять Ма-рия Николаевна с Иваном Михайловичем на чмодо-нах. Уезжают в Москву, а оттуда — в Суздаль. Ро-стов, Покров... Центральное телевидение начинает в го-родах Золотого Кольца съе-мки музыкального фильма с Мордасовой в «главной ро-ли». Продолжается большая жизнь большой артистки.

С. МАЛАХОВ.
Фото В. Астахова.

ПОКЛОН РОДНОЙ СТОРОНКЕ

передает Мария Мордасова

том, в соседних воронеж-ских краях, была плитовка, огранка, как у драгоценных камней. Через несколько де-сятилетий наставница мно-гих советских певцов народ-ная артистка СССР Ирма Янунзем напишет: «Мария Николаевна Мордасова — это бриллиант чистой воды. Ее искусство наполнено вы-соким художественным вку-сом, талантом, задушевно-стью, темпераментом и не-посредственностью. Морда-сова хороша своим чувст-вом правды, необыкновен-ной хрустальной чистотой в песне, частушке... Это на-стоящее, подлинно народ-ное искусство».

Так напишет выдающий-ся исполнитель и педагог. А тогда учителями Мордасо-вой были только песни, ко-торые народ сложил на все случаи жизни.

— Да что вы! О каких только событиях ни расска-жет песня... Она из поко-ления в поколение перехо-дила, от бабушки и дедуш-ки. Вот хоть силой выдава-ли замуж, а свадебная пе-сня делала чудеса. Невеста там «королева» была, а же-них «король», и «жемчугом у ней косы пересыпаны»... и так ее расхвалил, что он уже на свадьбе-то в нее вло-бился, хотя женили — не спросили... Дороже песни нет ничего на свете. Коли народ не принял в душе пе-сню — так она и пролета-ет бесследно. А раз пала на сердце — так она веками и будет жить...

Благодаря яркому ма-стерству певицы некоторые современные лирические пе-сни, старинные мелодии и — прежде всего — часту-шки получили большую по-пулярность и даже вызвали ответную волну народного творчества. А позже, когда вполне можно было подум-ать о пенсии, Мария Ни-колаевна занялась делом, которое теперь стало, пожа-луй, главным — собира-нием и изданием русского фольклора.

— С Воронежским хоро-м мы все больше по горо-дам ездим, по столицам. А вот когда ушла, уступила дорогу молодежи и стала солисткой филармонии... вот тогда-то Россию и увидела деревенскую, глубинную. И услышала Россию-мату-

плюсь. А какие зернышки, жемчужинки есть старин-ные! Уж чего навиделась, напелась, а и то иной раз прошибет...

Хорошо бы когда-нибудь поставить памятник русской песне. А что! На Василия Теркина народ уже собира-ет свои трудовые деньги. Может, дойдет и до песни. И тогда получится монумент самым высоким, са-мым чистым людям отече-ственной культуры — от Пу-шкина и других корифеев искусства до безвестных сельских учителей прош-лых времен, от Пятницкого до скромных наших фольк-lorистов, буквально пешком шагающих по деревням. Они заслужили. Но и то верно, что песня — вечное, несме-тное сокровище — работает пока всего на несколько процентов. Даже общими усилиями многих поколений с этого пласта снят лишь верхний, близко лежащий и не обязательно самый бога-тый слой. Считанные десят-ки мелодий и текстов у нас на слуху. А народу надо вернуть все. Вот и Мария Николаевна об этом печалится в своих коротких и длинных домашних моноло-гах.

— Всегда об одном гово-рю: пойте свои песни, ищи-те свои песни. Ведь нельзя эту ниточку прерывать. Я молодежи советую, чтобы записывали песни в дерев-нях. Пока живы старики, они все передадут — они болеют этим, чтобы пере-дать. Кстати, когда я прие-хала в Воронежский хор, одна-единственная оказалась из Тамбова. Здесь же все «флотские» — из села Гва-здово (Петр гвоздил кораб-ли), Клеповки (клепал ко-рабли), из Пузева (дница делал). Села песенные, от-туда и пришел хор замеча-тельный. А я одна с там-бовскими-то... Не очень они мои песни принимали, стол-бовую дорогу не открывали. Тогда я стала в Москве, на радио записывать черняно-вские песни — «По двороч-ку Дуня шла», «Златокры-ленький»... Москва мне всю страну отворила, она, ви-дате, для всех матушка. А теперь уж и люди просят не бросать дело — и само-петь, и сборники готовить,

годы хозяй — прекрасный баянист Иван Михайлович Руденко. На одной из фо-тографий обнялась Мария Николаевна с Людмилой Зыкиной. Обе — совсем как в жизни, только без ма-леньких золотых звездочек, которых удостоились вме-сте, одним Указом Президи-ума Верховного Совета СССР.

— Это не мы герои, — го-ворит Мордасова. — Это рус-ская песня теперь дважды Герой...

Вспомнили мы родные тамбовские места, власть наговорились о песне. И всякие разные дела задела-и разговоре — много у про-стой и мудрой женщины душевного беспокойства, а скрывать она не умеет...

— Немножко у нас моло-дежь отвлеклась. Хотя нас тогда тоже «фонкстротника-ми» звали, а у них свое увле-чение. Только мы жили в бедности — и голод пережи-ли, и банду пережили. До сих пор снятся эта банда, а потом — война проклятая, иногда ночью вскакиваешь до сих пор. А молодежь — ну что, она не видела такого, как мы. Иногда даже и ма-тери бадают. Сильно бадают матери. Я где-то уже рас-сказывала, как одна при-шла в магазин: «А дубленки у вас есть?» Ей говорят — есть хорошие куртки, поку-пайте. «А что мой сын — Ванька, что ли, с трудовня-ми?» Так я за ней сколько шла по проспекту, и сказа-ла ей. Как же вы, говорю, так балуете свое дитя? Ведь Ванька-то был и с трудо-днями, и с орденами, и войну прошел. Зачем вы так балуете парня? Ну, просто не утерпела. Долго шла... Ну, это время прой-дет. Они все равно Россию любят, ребята. Это времен-ное дело...

Удивляет Марию Никола-евну, что у ребят сейчас ка-ждый вечер — праздник. В ее молодые годы даже пе-ли — и то под какую-нибудь работу.

— Редко мы были сами себе предоставлены. В зи-му, может быть, три вече-ра. А вот сейчас мы с ва-ми сидим. Наш дом напро-тив Кольцовского сквера. Здесь у нас фонтан цвет-ной, и три праздника в не-делю для молодежи. За-